

К вопросу о взаимовлияниях литовской и славянской заговорных традиций на балто-славянских пограничных территориях

М. В. ЗАВЬЯЛОВА

RU-173114 Новгород, Антоново, д. 11-б, кв. 3, Россия

E-mail: zav@novsu.ac.ru

Abstract: The article addresses the problem of mutual influences between different verbal magic traditions in the Baltic-Slavonic frontier territories. It discusses the possible ways of borrowing of exorcisms from Baltic tradition into Slavonic and vice versa as revealed by the analysis of text structure. The article exposes some specific distinctions of Lithuanian, Belarusian, Russian and Polish exorcisms. The author analyses plot peculiarities of exorcisms, separate motives and magic formulas, as well as lexical borrowings. It is supposed, that lexical borrowings (transformed or preserved in unaltered form) have a particular supplementary semantic component — they are used to increase the expressiveness and efficiency of the magic text.

Key words: verbal magic, exorcism, Baltic-Slavonic relations, text structure, lexical borrowing, supplementary semantic

Говоря о народной культуре балтов и славян, нельзя не опираться, с одной стороны, на общую основу, реконструируемую на материале фольклорных текстов, и в то же время, следует учитывать феномен своеобразного взаимопроникновения двух традиций, возникший в результате многовекового соседства. В этой связи погружение «вглубь» текста, попытка построения общей основы — гипотетического балто-славянского фольклорного текста и на его основании балто-славянской картины мира — несомненно очень важна и проливает свет на многие закономерности и взаимосвязи. Однако не менее интересным остается анализ различий двух культур, того пути, который выбрала каждая из них в развитии общей основы. Надо отметить, что таких различий немало: при сравнении двух корпусов текстов, например, литовских и белорусских лечебных заговоров бросается в глаза разное структурное построение и приемы, которыми пользуется знахарь для достижения одной и той же цели (список болезней, против которых направлены заговорные тексты, как правило, идентичен). Не менее интересной представляется попытка анализа взаимовлияний разных заговорных традиций в зоне их контактирования — балто-славянского пограничья. Возможно, перекрещивание культур на белорусско-польско-литовском пограничьи даже послужило стимулом к развитию тех или иных жанров фольклора. Заговорный жанр получил особое распространение именно на этой территории. Весьма вероятно, что этот факт неслучаен: в условиях тесного взаимодействия культур развивается жанр, во многом построенный на оппозиции свой/чужой, провоцирующий человека

активно вмешиваться в действительность, противостоять неведомым силам.

Несмотря на замкнутость, стремление к скрытности и ореол таинственности, свойственные заговорному жанру и обусловленные его направленностью, факты показывают, что эти тексты были вполне доступны разным национальным группам и не знали языковых границ. Об этом свидетельствует существование на территории Литвы идентичных заговорных текстов в двух или трех вариантах. Например:

Karaliau liepsnotas, gyvačių viešpats, žvilgtelk akele po savo karūnėle. Žalčių karaliau, atimk žandelį nuo to vargdienėlio. (LT, N9258); *Królu płomenisty, Gdzin panie, Spójrz oczkiem Z pod twej korony. Wężów królu, Obierz żądło Od tego biedaka (biedaczki)* (Majewski, N 419);

...Suk, suk, na tebe kriuk, tebe krasata, a mene čystata. Amen. Amen. Amen... (Balys, N 427); *Šaka, šaka, šaka, te tau kablys, tau dailumas, o man švarumas* (Stukenaitė-Decikienė, N 86).

Трудно в таких случаях сказать, в каком направлении шло заимствование, однако, можно по-видимому, найти некоторые критерии оценки принадлежности текста в большей или меньшей степени к той или иной традиции. Одним из таких критериев может быть распространенность мотива в разных корпусах текстов.

Например, заговоры от змеи являются одним из самых распространенных заговорных жанров в Литве, поэтому соседние традиции могли перенять многие способы борьбы со змеей у литовцев. Напротив, мотив диалога с месяцем в заговорах от зубной боли, скорее всего, заимствован в литовскую традицию из славянской. Подобные параллели можно найти и для многих других сюжетов. Кроме того, в заговорах обнаруживаются многие универсальные или идущие от одного древнего источника методы лечения болезней. Это, в частности, мотив розы в заговорах от рожи, присутствующий в очень многих традициях, в том числе, в польской, литовской и белорусской (реже — в русской), а также в славяноязычных заговорах на территории Литвы. Такими же распространенными сюжетами являются сравнение крови с рекой Иордан или описание происшествия с божественным персонажем в процессе пути и его быстрого исцеления или неподатливости болезни.

Распространение и заимствование мотивов с участием святых персонажей вполне объяснимо принятием христианства. Однако сюжеты «языческие» тоже зачастую бывают общими. Такими универсальными мотивами являются, например, загрызание грызи (боли в суставах), сравнение ячменя с кукишем, обращение к чертополоху в заговоре от червей, предложение мыши обменяться зубами, взаимосвязь древесных сучьев и кожных болезней. По-видимому, такие совпадения в разных традициях объясняются универсальностью архетипических связей, построенных на ассоциативном сходстве внешнего проявления болезни (или звукового облика ее названия) с другими объектами или явлениями.

Помимо общих сюжетов и мотивов, использующихся в разноязычных заговорах, интересны случаи заимствования отдельных формул, оборотов, «кочующих» по разным традициям. Например, во многих белорусских, русских и польских заговорах встречаются однотипные сюжетные построения: выяснения причин возникновения болезни и отсылка ее туда, где «люди не ходят, звери не бродят, птицы не летают». Поскольку в литовских заговорах этот мотив встречается редко, можно предположить, что единичные случаи употребления этой формулы являются заимствованием у славян.

В основном при оценке взаимного проникновения балтийской и славянской заговорных традиций прослеживается общая тенденция к заимствованию эпической формы и христианских сюжетов из славянского ареала в литовский и перенятие некоторых «языческих» черт славянскими заговорами на территории Литвы или на пограничных территориях. Наиболее ярко тенденции в изменении структуры текста при сохранении, как правило, лексики и сюжетного построения прослеживаются в заговорах русских староверов, живущих в Литве. Тексты этих заговоров сильно редуцированы по сравнению с аналогичными на территории России. Предположительно, русские заговоры под влиянием литовских не столько упрощаются, сколько меняют тип — из эпических (что свойственно восточнославянской традиции) становятся заклинательными, более конкретно-направленными — ср., например, два заговора от кровотечения:

на территории Литвы — *Что на море, на океане лежит белый Пилатырь-камень. На том камне сидит девка-девица, шьет-вышивает. Кровь, кровь, утешишь. Аминь Божий.* (Novikovas, Trimakas, N 15)

и на территории России — *На море на Океане, на острове на Буяне сидит девица, Она шьет, пошивает, золотые ковры вышивает не ниткою, шелком; шелковинка оборвется, и кровь уймется.* (Майков, № 146, Воронежская обл.). Видно, как вместо складности и напевности, присущей русским традиционным текстам они приобретают некоторый оттенок резкости и отрывистости.

Другие славяноязычные заговоры на территории Литвы (прежде всего польские), наоборот, в большей степени подвержены лексическому и сюжетному смешению, чем заговоры староверов в силу большей обособленности последних. Анализ этих смешений представляется весьма интересным. Например, основываясь на употреблении в таких заговорах заимствованной лексики можно сделать вывод о происхождении текста:

Švintas Jonas manė trūdna žyć, ratawaj z tego swiatu na ten świat. Amen. Amen. Amen. (LMD I 940 (19)); *Švintas Jonas man trūdna gvinč; pašauk iš to pasaulio į šį pasaulį. Amen. Amen. Amen.* ‘Святой Йонас, мне трудно жить; позови с того света на этот свет. Аминь. Аминь. Аминь.’ (Stukenaitė-Decikienė, N 50);

Szedł Pan Jezus przez wieś, chcieli Jego psy zjeść, rzucił kamień, powiedział Amen. (LMD I 943 (7)); *Ejo Ponas Jėzus keliu, norėjo jį šunes suėšč. Jis griebė akmenį, ant*

amžiu amžinių. Amen. ‘Шел Господь Иисус по дороге, хотели его собаки съесть. Он схватил камень, во веки веков’ (Stukenaitė-Decikienė, N 31);

Zmieja, zmieja! Švinciausia Pana Marija paduok man lazdu kad aš galėčiau ažmušę itį zmieju. ‘Змея, змея! Пресвятая Дева Мария, подай мне палку, чтоб я мог(ла) убить эту змею’ (Mansikka, N 81); *Żmija, żmija! Najświętsza Panno, podaj mi kija!* (Majewski, N 408).

Ключевые слова польского происхождения позволяют предположить, что, по всей видимости, во всех трех случаях заимствовались польские тексты. Косвенно подтверждает этот вывод наличие во всех трех текстах христианских святых в качестве основных персонажей (как известно, христианство в Литве было связано с полонизацией). Примером обратного пути могут служить следующие два заговора:

Solnce mleko, kamieni krowie solnca zatmienie i krowi ościnowka. (LMD I 946 (10)); *Saulės pienas, akmenia kraujas, saulas aptemimas, krauja nustojimas.* ‘Молоко солнца, кровь камня, затмение солнца, остановка крови’ (Mansikka, N 21) — бросается в глаза «литовский» порядок слов в польском варианте;

Ognie/vystas/ krow cwiętok paprotnika Reka Apragima /voc/ puść eta krow pierestanię ciecz. (LMD I 946 (9)); *Ugnia-vystas kraujas, paparčio žiedas. Aprimo upė. Tegul šitas kraujas nustos tekėt.* ‘Огненная (букв. «развивающаяся огнем») кровь, цветок папоротника. Успокоилась река. Пусть эта кровь перестанет течь’ (Balys, N 503) — в этом случае, очевидно, литовские лексемы *ugnia-vystas* ‘огненная’ и *aprimo* ‘успокоилась’ (река) были не поняты и повторены неправильно. Кроме того, подтверждает вывод о пути заимствования заклинательный тип обоих заговоров, распространенный именно в литовской традиции.

Примеры повторения лексем без понимания их значения, как в последнем заговоре, встречаются довольно часто. В некоторых случаях непонятыми остаются целые выражения, и воспроизводится набор звуков, отдаленно напоминающий соответствующие выражения. Подобно этому вкраплению иноязычных непонятных слов в осмысленный текст существуют и «гибридные» заговоры, в которых соседствуют литовские и славянские фразы:

Viečor dobry lišaju, ciebie z gvnem miešaju. Tegul ji čia pragaišta ‘...Пусть она тут пропадает’ (Balys, N 430a);

Ažužadu Jonui nuo akių. Atkatites atvalites’ roki-pryroki, radost’ i zavist’, mužeskije i ženskije atkrytes’, berites’ od jarkoj krowi od zbornych kostiej, od bielych grudiej... ‘Заговариваю от глаз...’ (LMD I 941 (9)).

Языковая ситуация на литовско-белорусско-польском пограничьи располагает к тому, чтобы свободно общаться на трех-четырех языках, переходя с одного на другой. Однако, как бы ни были близки заговариваемому все употребляемые языки, язык, представляющийся наиболее чужим, считается в заговорах более сильным орудием. Как пра-

вило, комментарии ко всем славянским текстам на территории Литвы (кроме текстов русских староверов) даются по-литовски. Люди, свободно общающиеся по-литовски с собирателями, начиная заговор, часто переходят на польский. Возможен и обратный вариант — живущий среди литовцев и перенявший их язык и культуру поляк или белорус считает наиболее действенным заговор на родном языке. Возможно, это вызвано противопоставлением языков не по признаку свой/чужой, а скорее по степени употребительности: менее употребляемый (или менее понятный окружающим) язык кажется более сакральным. Этим объясняется появление совсем непонятных текстов, содержащих набор звуков, отдаленно напоминающих тот или иной язык — главное произнести текст, а не понять его. Некоторые тексты для усиления воздействия произносятся сразу на двух языках:

Papartis be žiedu, akmuo be šaku, paukštis be pieno, a tu prakeikta nevaikščiok po žeme, žmonėm žalos nedaryk, eik tu skradze žeme. Poporc bez kvetu ptaška bez mleka, kamen bez kožene, a ty pšeklenta ne choc po tai žemi, lūdzim škodzi ne rob ic ty skro žemi.(LTR 4105 (257)).

Такое смешение языков не может не дать соответствующих результатов. И наиболее ярко оно проявляется, конечно, на уровне лексики. Славянские заговоры на территории Литвы в этом смысле не так показательны, заимствование в их сторону осуществляется, по-видимому, на уровне текстов, сюжетов, калек и непонятых фраз. Что же касается литовских заговоров, в них славянская лексика представлена очень широко. Это объясняется еще и тем, что вплоть до нашего века, когда стала проводиться борьба (и появилась возможность ее проводить) за чистоту литовского языка, славянская лексика составляла довольно большой процент в литовском языке. Это не могло не отразиться в текстах заговоров. Однако интересно проследить, какой именно пласт лексики был замещен или создан влияниями извне. Одну группу лексики можно назвать религиозной — это слова и выражения, связанные с христианством и пришедшие, вероятно, вместе с ним. Например: *mučikas, mūkos, ant to svieto* ‘на том свете’, *griešnikis, ant dievo sūdo* ‘на божий суд’, *smertis, ant pamačios, un ratunko* ‘на помощь’, *dukas, dūšia, griekas, patapas, nadzieja, ofiara, gaspadorius, pavelyjimas* ‘повеление’, *kadzyla, krapyla, nedėlia, pėtnyčia, četverge, snedone, troice, dalia* ‘доля’, *ščestis* ‘счастье’, *in vinčiaus* ‘под венец’; *griešnas, čystas, zbaviona, večna, pakarna, nespazdevata, nogla, valna; vėriju, ratavoti* ‘спасать’, *ronyti* ‘ранить’, *mūčyti, pazvalyti* и т.д. Некоторые слова из этого списка обозначали и новые реалии, которые еще не успели получить языковое выражение в литовском, например, ‘троица’, ‘кадило’, ‘дух’ и т.п. Лексемы, заменяющие уже существующие, вероятно, обладают несколькими другими коннотациями, например, литовское *teismas* ‘суд’ и *sūdas, ofiara* и *auka* ‘жертва’ явно вызывают разные ассоциации, все эти славянские аналоги в литовском контексте

имеют ярко выраженный христианский подтекст. Некоторые слова заняли и семантические лакуны, например, очень распространенное и в современном разговорном литовском *dūšia*. Литовское *siela* ‘душа’ ассоциируется с чем-то прозрачным и запредельным, а его синоним *vėlė* обозначает только душу умершего человека, поэтому комплекс значений, связанный со славянским ‘душа’ остается в литовском языке не так ярко выраженным, возможно, этим объясняется популярность славянского заимствования по сей день. Имеющие практически идентичные литовские аналоги славянские заимствования типа *ščestis, nadzieja, čystas, večna, ratavoti*, возможно, обладают большей экспрессивностью, усиливают соответствующее значение.

Вторую группу заимствований в заговорах составляют названия болезней и связанных с ними явлений, например: *zrokai, lišaj, parušenia, macica, kaltun, zmieja, zjadai, tručyzna, rona, pavietriai, kvaraba, sukatos, liekarsta, liekajus, bieda, škada*. Все эти лексемы существуют наряду с соответствующими литовскими и, возможно, используются с целью табуирования, кодирования настоящего названия болезни. В пояснениях к некоторым заговорам, данных информантами, болезнь называется по-литовски, а в самом заговоре — по-польски или по-русски.

Интересно, что подобно двойным текстам — полным переводным аналогам друг друга — и в пределах одного текста могут встречаться тавтологические повторы одинаковых лексем, образованных от разноязычных основ, например: *sgynik, prapulk* (‘пропади’ — от ‘сгинуть’ и ‘prapulti’); *tikiu ir vėriju* (‘верю’ от ‘верить’ и ‘tikėti’); *pagalbes tegul pamatčija* (‘пусть поможет’ — от ‘pagelbėti’ и ‘помочь’); *nurimcie, nusukcie* (‘утихнуть’ — от ‘nurimti’ и ‘стихнуть’); *nutvanusi patarą* (‘потопившийся потоп’ — от ‘tvanas’ и ‘потоп’); *nuliūdo, nusmuto* (‘загрустила’ — от ‘liūdėti’ и ‘smutnieči’); *jaunas maladikelis* (‘молодой молодец’ — от ‘jaunas’ и ‘молодой’); *žailėkis — gailėkis* (‘жалей’ — от ‘жалеть’ и ‘gailėti’). Такая неявная тавтология, употребление мнимых синонимов позволяет обращаться сразу к нескольким коннотациям, поскольку каждое слово вызывает свои ассоциации, что, несомненно, усиливает воздействие заговора.

Помимо создания дополнительных значений, славянские заимствования играют, по-видимому, в некоторых заговорах более важную роль — часто именно они являются ключевыми словами, а литовские слова — только связками. Например:

- 1) *Gumbas, apsistanavyj!* ‘Гумбас, остановись’ (Stukenaitė-Decikienė, N 56);
- 2) *Mumine Žemine, Atsimk savo zjadus, Atduok margai karvei sveikatą* ‘Мумине Жямине, забери свой яд, отдай пестрой королеве здоровье’ (LKAГ 207 (46, 48));
- 3) *Ėjo Viešpat Jėzus per bažnyčią, nešė tris rožes: vieną sausą, antrą suvytusią ir trečią suakmenėjusią. Prakeikta rožė, stupyk nuo N* ‘Шел Господь Иисус через церковь,

нес три розы: одну сухую, другую вялую и третью окаменевшую. Проклятая роза, отступи от N' (Balys, N 408);

4) *Šventa Gabija, būk spokaini*. 'Святая Габия, будь спокойна' (Balys, N 299).

Хотя ключевыми словами могут быть и существительные, и прилагательные, особое внимание следует уделить глагольной лексике, ведь именно в глаголе реализуется действие заговора, по сути, глагол является зачастую средоточием основной силы и энергии текста. Список заимствованных глаголов, употребляемых в литовских заговорах, говорит сам за себя: *padzuvija* 'завидуют', *neratuja* 'не спасают', *apstanavij* 'останови', *pamačykite* 'помогите', *ratawokite* 'спасите', *adzigni* 'отойди', *atlesć* 'уйди', *apčystumei* 'очистила бы', *nuztapijo* 'наступил', *stupyk nuo* 'отступи от'.

Глагол *mačyti* 'помогать', образованный от славянского 'помощь' является одним из самых часто употребляемых глаголов в литовских заговорах вообще. Однако, глаголы говорения и вообще перформативные глаголы, выражающие действия заговаривающего, как правило, только литовские. Вероятно, внутренняя сила говорящего все же связана с родным языком, а общаться с посредниками можно и на чужих языках (или на их?).

Итак, очевидно, контакт двух традиций обусловил двустороннее заимствование: как с литовской стороны, так и со славянской (польской, белорусской, русской) мы наблюдаем перенятие черт соседней культуры. В заговорном жанре происходит заимствование на всех уровнях: перенимаются и переводятся на другой язык целые тексты, заимствуются сюжеты и формулы, создаются соответствующие «кальки» на другом языке. Что касается лексического уровня, более подвержена заимствованиям, как уже отмечалось, литовская традиция, вероятно, в силу исторических причин. По всей видимости, литовская языковая система вообще обладает большей восприимчивостью, поскольку славянское влияние оказалось устойчивее как на уровне текста, так и на уровне лексики. Ставшая почти родной и смешавшаяся с исконной, славянская лексика тем не менее занимает определенное место в литовской языковой системе — ее отличает повышенная экспрессивность и некоторые особые коннотации (ориентированность на христианство, преувеличенное значение, максимальный эффект). Ее проникновение ощущается даже на уровне грамматики, причем заимствуются наиболее сильные формы языкового воздействия — императив, например: *...kišk, skundziñ savo gyluonį undenin...* 'суй, топи свое жало в воде (змее)' (Mansikka, N 71); и наиболее экспрессивные глагольные префиксы, например: *... jei neatlaisi, tavi razmuš in dvyliką kavalkų*. 'если не отнимешь, тебя разобьет на двенадцать частей' (от змеи) (LTR 4813 (65)).

Очевидно, такого типа заимствования можно анализировать только в контексте общей языковой и исторической ситуации.

Список сокращений

- Майков — Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. СПб. 1994.
Balys — *J. Balys*. Liaudies magija ir medicina. Bloomington, Indiana, 1951.
LKAG — Liaudies kūrybos archyvo garso įrašai (Lietuvos liaudies kultūros centras).
LMD — Lietuvos Mokslo Draugija (Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto archyvas).
LT — Lietuvių tautosaka. V t., (Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai). Vilnius, 1968.
LTR — Lietuvių Tautosakos Rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas).
Majewski — *E. Majewski*. Wąż w mowie, pojęciach i praktykach ludu naszego, VI. Wisła, 1892.
Mansikka — *V. Mansikka*. Litausische Zaubersprüche. Helsinki, 1929.
Novikovas, Trimakas — *J. Novikovas, R. Trimakas*. Lietuvos rusų sentikių užkalbėjimai: Tautosakos darbai, VI–VII (XIII–XIV). Vilnius, 1997.
Stukenaitė-Decikienė — *Pr. Stukenaitė-Decikienė*. Užkalbėjimai Švenčionių apskrity: Gimtasai kraštas, 1941 — VIII m. 1–2 (28–29 nr.).